

Джозеф Шеридан Ле Фаню Мёртвый причетник

«Лучшие истории о привидениях»: Терра-Книжный клуб; Москва, 1998
ISBN 5-300-02237-3

Аннотация

После 20 лет странствий Тоби Крук возвращается в родной городок Голден-Фрайерс и служит церковным причетником. Но эта история начинается после его смерти, ведь за время своих путешествий Тоби многое повидал и многое успел натворить. И вот тело причетника лежит в сарае местного трактира, а в на пороге безмятежного Голден-Фрайерса — странный гость...

Джозеф Шеридан Ле Фаню Мёртвый причетник

Закаты в ту пору были красны, ночи долги, в воздухе стоял приятный морозец. Близились Рождество — радостный провозвестник Нового Года. В ту ночь в прелестном городке Голден-Фрайерс, в известном по всем графствам древней Нортумбрии кабачке «Святой Георгий и дракон», случилась трагедия, о которой до сих пор вспоминают старики зимними вечерами у каминов — золотистая дымка минувших лет придает былым ужасам восхитительный аромат.

В старом каретном сарае, во дворе кабачка, покоилось тело Тоби Крука, церковного причетника. Его нашли мертвым за полчаса до начала нашей истории, при весьма странных обстоятельствах, в месте, где оно могло бы еще добрую неделю лежать незамеченным. Страшное подозрение закралось в безмятежные души обитателей Голден-Фрайерса.

Лучи зимнего заката пробивались сквозь ущелья величественных гор на западе, окутывая пламенем голые ветви облетевших вязов и крохотные серпики зеленой травы на обширных лугах, окружавших старинный городок.

Нет на свете места чудеснее тихого Голден-Фрайерса: остроконечные крыши со стройными каминными трубами, невесомые, как дуновение ветерка, венчают аккуратные

домики из светло-серого камня, выстроившиеся ровной чередой вокруг живописного озера. На противоположном берегу озера грандиозным амфитеатром встает высокая горная гряда, чьи заснеженные пики, подсвеченные красноватым сиянием заходящего солнца, смутно вырисовываются на белесом фоне зимнего неба. Если окажетесь в тех краях, непременно взгляните на Голден-Фрайерс с самой кромки тихого озера: вы поневоле залюбуетесь островерхими каминными трубами, стройными коньками крыш, забавным старым кабачком с причудливой вывеской, изящной башенкой старинной церкви с высоким шпилем, венчающей чудесную картину. Тому, кто увидит городок в час заката или в сиянии луны, среди чарующих красот природы, откроется чудесная тайна: он решит, что попал в волшебную страну эльфов и фей.

Накануне вечером Тоби Крук, причетник здешней церкви, долговязый тощий субъект лет за пятьдесят, посидел часок-другой с деревенскими приятелями за добрым кувшином горячего пива в уютной кухне постоялого двора. Обычно он заглядывал туда часов в семь послушать сплетни. Этого ему вполне хватало: говорил он мало и глядел всегда угрюмо.

Теперь-то про него многое рассказывают.

В юности Тоби слыл отпетым лентяем. Он разругался с хозяином, дубильщиком кож из Браймера, у которого служил в подмастерьях, и ушел куда глаза глядят; сотню раз попадал в переделки и выходил сухим из воды. Перемыв ему все косточки, обитатели Голден-Фрайерса пришли к выводу, что для всех, кроме, возможно, его самого, а в особенности для убитой горем матери было бы лучшим выходом, если бы он с тяжелым камнем на шее покоился на дне тихого озера, в котором отражаются серые крыши, раскидистые вязы и высокие окрестные горы. В разгар этих пересудов Тоби Крук внезапно вернулся. Обитатели городка едва узнали его: это был другой человек, зрелый мужчина сорока лет.

Пропадал он двадцать лет, и никто не знал, где его носило.

И вдруг он ни с того ни с сего объявился в Голден-Фрайерсе — угрюмый, молчаливый и благонравный. Мать его давно лежала в могиле, но поселяне приняли «блудного сына» с открытой душой.

Добросердечный викарий, доктор Дженнер, говорил жене:

— Долли, дорогая, его каменное сердце смягчилось. Я видел, как на вчерашней проповеди он вытирал глаза.

— Не удивляюсь, милый мой Хью. Я помню то место: «Есть радость на небесах». До чего прелестно! Я сама чуть не заплакала.

Викарий добродушно рассмеялся, поцеловал жену и нежно похлопал по щеке.

— Ты слишком высоко ставишь проповеди своего мужа, — заметил он. — Понимаешь ли, Долли, я читаю их прежде всего для бедняков. Если уж они поймут меня, то другие — и подавно. Надеюсь, мой простой стиль находит путь и к сердцу их, и к разуму...

— Почему же ты раньше не сказал мне, что он плакал. Ты так красноречив, — воскликнула Долли Дженнер. — Никто не умеет читать проповеди лучше моего мужа. В жизни не слышала ничего подобного.

Охотно верим, ибо за последние двадцать лет почтенная дама вряд ли слыхала более шести проповедей из уст других священников.

Обитатели Голден-Фрайерса горячо обсуждали возвращение Тоби Крука.

Доктор Линкоут заметил:

— Должно быть, немало ему довелось хлебнуть. Высох, как вобла, а мускулы крепкие. Служил, поди, в солдатах — выправка у него военная, а отметина над правым глазом — ни дать ни взять шрам от ружейного выстрела.

Другой бы спросил, как человек мог выжить после огнестрельной раны над глазом. Но Линкоут был врачом, и не простым, а военным — в молодости; кто в Голден-Фрайерсе мог тягаться с ним в делах хирургических? Жители городка сошлись во мнении, что та метка и впрямь была оставлена пистолетной пулей.

Мистер Джалкот, адвокат, «головой ручался», что Тоби Крук в долгих странствиях набрался ума, а честный Тэрнбелл, владелец «Святого Георгия и Дракона», задумчиво

произнес:

— Надо подыскать Тоби работенку, чтоб было куда руки приложить. Пора делать из него человека.

В конце концов его назначили причетником церкви Голден-Фрайерса.

Тоби Крук исполнял свои обязанности на редкость добросовестно. Не вмешивался ни в чьи дела: человек он был молчаливый, и друзей у него не водилось. В компании держался особняком, любил прогуливаться в одиночку по берегу озера, пока другие играли в «пятерку» или в кегли, иногда заглядывал в «Святой Георгий» и, потягивая спиртное, с угрюмым видом прислушивался к общему разговору. Было в лице Тоби Крука что-то недоброе, а если к тому же у него не все ладилось, то он казался просто злодеем.

О Тоби Круке шепотом рассказывали немало историй. Никто не знал, как эти сплетни попали в город. Нет ничего более загадочного, чем пути распространения слухов. Словно разлили флакон с ароматическим бальзамом. Слухи разлетаются, подобно эпидемии, то ли от малейшего дуновения ветерка, то ли подчиняясь столь же непостижимым космическим законам. Рассказы эти, весьма расплывчатые, относились к долгому периоду отсутствия Тоби Крука в родном городке, однако так и не приняли мало-мальски определенной формы; никто не мог сказать, откуда они пошли.

В добром сердце викария не было места дурным мыслям. Если до него доходили рассказы о гнусном прошлом Тоби Крука, он не принимал их на веру, требуя доказательств. Таким образом, причетник нес свою службу без всяких помех.

В тот злосчастный вечер — подробности всегда вспоминаются после катастрофы — мальчишка, возвращавшийся вдоль кромки озера, встретил причетника. Тот присел на поваленном дереве под скалой и считал деньги. Сидел он скорчившись, подтянув колени к подбородку, и торопливо пересыпал серебряные монеты с ладони на ладонь. Длинные пальцы так и мелькали. Он взглянул на мальчика, как гласит старая английская пословица, «как дьявол на город Линкольн».¹ Но хмурые взгляды не были чем-то необычным для мистера Крука; у него никогда не находилось ни улыбки для ребенка, ни доброго слова для усталого путника.

Тоби Крук жил в сером каменном доме возле церковного крыльца, тесном и холодном. Лестничное окно смотрело на кладбище, где проходила большая часть рабочего дня причетника. Тоби занимал лишь одну комнату, в остальном же дом был необитаем.

Старуха, следившая за домом, спала на деревянной скамье в крохотной каморке у черного хода, выстланной черепицей, среди сломанных табуреток, старых саквояжей, трухлявых сундуков и прочего хлама.

Поздно ночью она проснулась и увидела у себя в комнате человека в шляпе. В руке он держал свечу и заслонял рукавом ее пламя, чтобы свет не падал в глаза спящей. Незнакомец стоял спиной к кровати и рылся в ящике, где старуха обычно хранила деньги.

Однако в тот день старуха получила жалованье за три месяца, два фунта стерлингов, и спрятала их, завернув в тряпицу, в самом дальнем уголке буфета, в старой чайнице.

При виде незнакомца старуха до смерти перепугалась: а вдруг незванный гость явился с близлежащего кладбища? Она села на постели, прямая, как палка, седые волосы встали дыбом так, что чепец приподнялся, и, справившись с мурашками по спине, дрожащим голосом спросила:

— Что вам тут надо, Христа ради?

— Где твоя мятная настойка, женщина? У меня внутри огнем горит.

— Уж месяц как вышла, — отвечала старуха. — А ежели вы к себе уйдете, я вам горяченького чайку приготовлю.

Но гость ответил:

¹ *Линкольн* — здесь старинный собор в городе Линкольне. Смысл этого выражения — смотреть с завистью или недоброжелательством.

— Не стоит, хлебну лучше джина.

И, повернувшись на каблуках, вышел.

Наутро причетник исчез.

Начались расспросы.

Его не только не было дома; Тоби Крука не могли найти по всему Голден-Фрайерсу.

Может быть, рано утром он ушел по своим делам куда-нибудь в дальнюю деревню. У причетника не было близкой родни, и никто не стал ломать себе голову над его исчезновением. Люди предпочитали подождать: рано или поздно вернется, никуда не денется.

Часа в три пополудни добрый викарий, стоя на пороге своего дома, любовался крутыми горными пиками, окружавшими живописное озеро, как вдруг заметил, что к берегу причалила лодка. Двое мужчин вышли на берег и направились напрямик через зеленый луг. Они несли какой-то предмет, небольшой, но, судя по всему, довольно увесистый.

— Взгляните-ка, сэр, — сказал один из них, опустив к ногам викария малый церковный колокол, из тех, что в старинных перезвонах дают дискантовый тон.

— Пуда на два потянет, не меньше. Вчера только слышал, как он на колокольне звонит.

— Как! Один из церковных колоколов? — воскликнул растерявшийся викарий. — О, нет! Не может быть! Где вы его взяли?

Лодочник рассказал вот что.

Утром он нашел свою лодку привязанной ярдах в пятидесяти от того места, где оставил ее накануне, и не мог понять, как это произошло. Едва они с помощником собрались сесть за весла, как вдруг обнаружили на дне, под куском парусины, церковный колокол. Там же лежали кирка причетника и его лопата — «лопатень», как называли они этот чудной инструмент с широким штыком.

— Удивительно! Посмотрим, не пропало ли на башне колокола, — в смятении заявил викарий. — Крук еще не вернулся? Знает кто-нибудь, где он?

Причетник не объявился.

— Странно. Ну и досада! — сказал викарий. — Что ж, откроем моим ключом. Положите колокол в передней; разберемся-ка, что все это значит.

Во главе с викарием процессия отправилась в церковь.

Священник открыл замок собственным ключом и вошел в притвор.

На земле лежал полураскрытый саквояж, рядом с ним — кусок веревки. Лодочник отпихнул сумку ногой — внутри что-то звякнуло.

Викарий приоткрыл дверь и заглянул в церковь. Тусклое сияние вечерней зари, проникавшее через узкие окна, выхватывало из темноты колонны и своды, украшенные старинным резным дубом, выцветшие статуи, печально взиравшие на гаснущее пламя предзакатного неба.

Викарий встряхнул головой и закрыл дверь. Тьма сгущалась. Пригнувшись, он приоткрыл узкую дверцу, за которой начиналась винтовая лестница, ведущая на первый чердак; оттуда на звонницу можно было подняться по грубой стремянке футов двадцати пяти высотой.

В сопровождении лодочников викарий вскарабкался по узкой лестнице на первый чердак.

Там было очень темно: слабые лучи света проникали лишь через узкую бойницу в толстой стене. Снаружи вспыхивали алым пламенем листья плюща, по густым побегам весело скакали воробы.

— Не будете ли вы добры подняться наверх и пересчитать колокола? — обратился викарий к лодочнику. — Там должно быть...

— Эй! Что это? — воскликнул тот, отскочив от подножия стремянки.

— О Господи! — ахнул его приятель.

— Боже милосердный! — пробормотал викарий.

Он заметил на полу что-то темное и нагнулся, чтобы получше разглядеть, что это такое.

Пальцы его коснулись холодного лица покойника.

Они подтащили труп к полосе дневного света на полу.

Это был мертвый Тоби Крук! Лоб его от виска до виска пересекала глубокая рана.

Объявили тревогу.

На место происшествия тотчас примчались доктор Линкоут, мистер Джалкот и Тэрнбелл, владелец «Святого Георгия и Дракона». Вслед за ними подоспела целая толпа перепуганных зевак.

Было установлено, во-первых, что причетник умер много часов назад. Во-вторых, череп его проломлен страшным ударом. В-третьих, у него сломана шея.

Шляпа его валялась на полу, где он, по-видимому, ее и бросил, в ней лежал носовой платок.

Тайна начала проясняться, когда в углу нашли откатившийся туда колокол, снятый с колокольни. На ободе его запеклась кровь с волосами, что в точности отвечало проломленной ране на лбу причетника.

Осмотрели саквояж, найденный в притворе. Там оказалась вся церковная утварь, серебряный поднос, пропавший месяц назад из кладовой доктора Линкоута, золотой пенал викария, который он считал позабытым в приходской книге, а также серебряные ложки и прочая посуда, исчезавшие время от времени из самых разных домов, вследствие чего добропорядочное городское общество начало в последние годы заметно волноваться. Из звонницы были сняты два колокола. Сопоставив факты, самые проникательные из собравшихся проникли в нечестивые замыслы угрюмого причетника, чей искалеченный труп лежал на полу в той самой башне, где всего два дня назад он раскачивал священный колокол, призывая добрых христиан Голден-Фрайерса на молитву.

Тело перенесли во двор «Святого Георгия и Дракона» и положили в каретном сарае.

Горожане то и дело небольшими кучками заходили взглянуть на труп, с мрачным видом толпились вокруг сарая и разговаривали вполголоса, как в церкви.

Почтенный викарий в гетрах и широкополой шляпе с загнутыми полями стоял посреди мощеного двора в центре небольшого кружка местной элиты, состоявшей из доктора, адвоката, сэра Джеффри Мардайкса, случившегося в городе, и трактирщика Тэрнбелла. Они только что закончили осмотр тела, вокруг которого почтительным шепотом высказывая самые ужасные предположения, толпами слонялись деревенские зевaki.

— Ну, что скажешь? — с дрожью в голосе спросил побледневший Том Скейлз, конюх из «Святого Георгия», прохаживаясь вокруг каретного сарая с Диком Линклином.

— Дьявол своего добился, — шепнул Дик на ухо приятелю. — Свернул причетнику шею, как он сам когда-то свернул парню из Скарсдейлской тюрьмы. Помнишь, солдат заезжий рассказывал в «Святом Георгии»? Ей-богу, никогда тот случай не забуду.

— Сдается мне, все это чистая правда, — ответил конюх. — И про то, как он спящему приятелю кочергой поперек лба заехал, тоже не врут. Взгляни, как ему колокол мозги раскрошил, точь-в-точь как он тому парню. Диву даюсь, почему дьявол среди ночи его тело не уволок, как труп Тэма Ландера с Мултернской мельницы.

— Ну, ты скажешь! Да кто дьявола в церкви видал?

— Да, видок у него такой, что самого сатану напугает. Но ты, пожалуй, прав. Вельзевул свое рыло в церковь и на кончик ногтя не сунет.

Пока конюх с приятелем обсуждали случившееся, сливки общества, собравшиеся посреди двора, отправили извещение коронеру в близлежащий городок Гекстэн.

К этому часу на потемневшем небе угасли последние лучи заходящего солнца; следовательно, до утра о дознании не могло быть и речи.

Чудовищные обстоятельства смерти не вызывали сомнений: причетник хотел обчистить церковь, собрал в саквояж всю серебряную утварь и лишился жизни, вынося со звонницы второй колокол: спускаясь по полустгнившей стремянке, он спиной вперед рухнул на пол и при падении сломал шею. Тяжелый колокол свалился прямо на него и острым ободом разрубил несчастному лоб.

Вряд ли найдется человек, который за одно мгновение был бы убит дважды.

Колокола и содержимое саквояжа причетник, видимо, собирался ночью переправить через озеро и закопать теми самыми киркой и лопатой в Клустедском лесу, а через пару часов незаметно вернуться в город — задолго до утра, пока никто его не хватился. Убегая с добычей, он наверняка намеревался произвести в церкви разгром, чтобы люди подумали, будто туда вломились грабители. Отвел бы подозрения от себя, а потом, дождавшись удобного случая, выкопал зарытое сокровище и — поминай как звали.

Тут-то и всплыли самые разнообразные сплетни, что ранее нашептывались у Тоби за спиной. Старая миссис Пуллен вспомнила, что, впервые увидев тощего причетника, упала в обморок и заявила доктору Линкоуту, что «этот прохвост» как две капли воды похож на разбойника, пристрелившего кучера в ту ночь, когда ее карету ограбили на дороге в Ханслоу-Хит. Отставной солдат с деревянной ногой тоже припомнил немало случаев, половину из которых до сих пор никто не принимал всерьез.

Теперь же общественное мнение ухватилось за них, как утопающий за соломинку.

На западе угас последний отблеск зари, сумерки сменились ночной мглой.

Публика, собравшаяся в гостиничном дворе, начала понемногу расходиться.

Наступила тишина.

Мертвого причетника оставили в темном каретном сарае, ключ от которого покоился в кармане Тома Скейлза, верного конюха из «Святого Георгия».

Часов около восьми старый конюх, покуривая трубку, стоял в одиночестве возле раскрытых дверей «Святого Георгия и дракона».

В морозном небе светила яркая луна. На дальнем берегу озера, словно призраки, вставали сумрачные горы. В воздухе не слышалось ни дуновения ветерка. Не шелестела ни одна веточка в безлистных кронах облетевших вязов. Ни малейшая рябь не нарушала темно-синей глади озера, мерцающей, как полированная сталь, отраженным сиянием луны. Ослепительно белела дорога, что вела от порога харчевни вдоль берега озера.

Среди темной листвы падуба и можжевельника белые колонны ворот викария маячили возле обочины, точно привидения. Венчающие их каменные шары глядели, словно головы, на случайного прохожего чуть левее харчевни, в сотне ярдов вверх по берегу озера.

На улицах не было ни души: обитатели тихого городка Голден-Фрайерс ложились рано. Никто не отваживался выходить за порог, кроме завсегдатаев, собравшихся в обеденном зале таверны.

Том Скейлз подумывал, не пойти ли обратно в кабачок. Ему было не по себе. В голову лезли мысли о мертвом причетнике: застывшее лицо так и стояло перед глазами.

В эту минуту до ушей конюха донесся далекий стук копыт по промерзшей дороге. «Еще один гость в нашу таверну», — инстинктивно подумал Том. Опытное ухо распознало, что всадник приближается по дороге из Дардейла, той самой, что, миновав широкое унылое торфяное болото, огибает южные отроги гор по ущелью Даннер-Клюк и, соединившись с Мардайкской дорогой, вступает в Голден-Фрайерс у берега озера, неподалеку от ворот викария.

В том месте возле поворота растет куртинка высоких деревьев; но луна светила над озером, и черные тени падали в сторону, не затемняя дорогу.

Топот копыт перешел в дробный перестук — невидимый всадник пустил лошадь галопом.

Том подивился, как далеко разносится в морозном воздухе стук копыт.

Догадка его оказалась верной. Незнакомец приближался по горной дороге со стороны Дарндейлского болота. Всадник, похожий на тень, окутанную дымкой лунного света, мчался галопом по ровной полоске дороги, огибающей берег озера, между воротами викария и «Святым Георгием». Видимо, он завернул за угол дома викария в тот миг, когда Том Скейлз, устав, на мгновение отвел глаза.

Конюху недолго довелось гадать, почему незнакомец пустил животное в столь яростный галоп и как получилось, что он услышал топот копыт, по меньшей мере, мили за

три. Мгновение спустя лошадь остановилась у дверей таверны. Это был могучий вороной жеребец из породы ирландских гунтеров, какие встречались в этих местах столетие назад. Такая скотина могла нести всадника весом в шестнадцать стоунов из конца в конец страны. Добрый боевой конь. Волосок к волоску. Он фыркал, бил копытом, выгибал шею, не в силах спокойно стоять на месте — так не терпелось ему поскорее тронуться в путь.

Легко, как пушинка, всадник соскочил наземь. Был он высок, жилист. На плечах у него развевалась короткая мантия, голову венчала лихо заломленная треуголка, на ногах красовались высокие ботфорты, какие можно было увидеть в самых глухих уголках Англии вплоть до конца прошлого века.

— Держи поводья, — бросил он старому Скейлзу. — Нет нужды прогуливать или обтирать его — этот конь никогда не потеет и не устает. Задай ему овса и оставь в покое, пусть как следует наестся. Эй, в доме! — крикнул незнакомец: это старомодное приветствие до сих пор бытует в деревенской глубинке. Голос у него был зычный, низкий.

Том Скейлз повел коня в стойло. Тот оглянулся на хозяина и призывно заржал.

— Спокойней, старина, спешить некуда, — с грубым смехом крикнул незнакомец своему коню и зашагал в дом.

Конюх отвел жеребца в гостиничный двор. Проходя мимо ворот каретного сарая, за которыми покоился мертвый причетник, конь фыркнул, ударил копытом и пригнул голову, словно прислушиваясь к звукам, доносящимся изнутри, а затем снова издал короткое пронзительное ржание.

У конюха мороз пробежал по коже. Какое дело этой зверюге до лежащего в сарае мертвеца? Странная скотина нравилась ему все меньше и меньше.

Тем временем хозяин коня подошел к дверям таверны.

— Загляну-ка в обеденный зал, — пугающим басом заявил он буфетчику, встретившемуся в коридоре.

Он уверенно направился дальше, словно знал это заведение всю жизнь. Шагал он не спеша, с ленцой, однако мигом обогнал опешившего слугу и очутился в обеденном зале «Святого Георгия» прежде, чем буфетчик успел миновать полпути по коридору.

Сухие дрова в камине весело потрескивали, освещая просторную, но уютную залу. Языки пламени отражались в начищенных боках горшков и кастрюль, ярко блестели высокие стопки оловянных тарелок в посудных шкафах. По стенам плясали причудливые тени длинных связок лука и огромных окороков, свисавших с потолка.

И адвокат, и доктор, и даже сэр Джеффри Мардайкс не сочли ниже своего достоинства по столь необычному случаю выкурить трубочку у кухонного очага, в самой гуще сплетен и пересудов, разгоревшихся вокруг страшного события.

Рослый незнакомец вошел без приглашения.

Ему можно было дать лет сорок. Был он сухопар, сложен атлетически, с дочерна загорелым лицом и длинным костистым носом. На вид его можно было принять за испанца. Из-под полей шляпы яростно сверкали черные глаза, глубокий рубец «заячьей губы» делил пополам густую щетку черных усов.

Когда незванный гость появился на пороге, сэр Джеффри Мардайкс с трактирщиком при горячей поддержке доктора и адвоката в четвертый раз строили догадки о коварных замыслах Тоби Крука.

Незнакомец изобразил на лице подобие улыбки и приподнял шляпу.

— Как называется это место, джентльмены? — спросил он.

— Это город Голден-Фрайерс, — вежливо ответил доктор.

— Трактир «Святой Георгий и дракон», сэр; Энтони Тэрнбелл, к вашим услугам, — торжественно поклонился хозяин. Оба ответа прозвучали одновременно, словно доктор с трактирщиком хором распевали старинную балладу.

— «Святой Георгий и дракон», говорите, — повторил всадник, протягивая к очагу длинные руки. — Святой Георгий, он же король Георг, и дракон, то есть дьявол. Роскошный кумир у вас за порогом, сэр, ничего не скажешь. Заманиваете к себе невинных путников: и

придворных, и бродяг, всякое лыко в строку, верно? Добро пожаловать каждый, лишь бы пил побольше! Свари-ка нам чашу-другую пунша. Я угощаю. Сколько нас тут? Посчитай и налей сколько нужно. Джентльмены, я намерен заночевать в этом заведении, конь мой стоит в конюшне. По какому поводу собралось столько приятных лиц? Что у вас — праздник или ярмарка? Сдается мне, я тут уже бывал; в прошлый раз вы глядели куда печальнее. Было это в воскресенье, самый тоскливый из праздников; и если бы не здешний причетник, мистер Крук, святой человек, впору бы совсем загоревать. — Он огляделся и, будто невзначай, заметил: — Ба! Не он ли это там?

Компания не на шутку перепугалась. Все, разинув рты, уставились в ту сторону, куда кивком указал незнакомец.

— Да нет, не он, откуда ему взяться? — с напускной уверенностью заявил трактирщик Тэрнбелл: ему отнюдь не улыбалось, чтобы по городу пошел слух, будто в «Святом Георгии» завелась нечистая сила. — С ним, сэр, случилось несчастье — он умер. Он уже не с нами и потому быть здесь никак не может.

Компания охотно поведала незнакомцу о случившемся во всех подробностях. Говорили все разом, заглушая друг друга, и никому из рассказчиков не удавалось произнести более двух фраз кряду без того, чтобы его перебили и поправили.

— Стало быть, он на небесах. Это так же верно, как то, что высидите здесь, — заявил незнакомец, дослушав рассказ. — Ну и ну! Хотел стащить церковный колокол и поплатился за это. Вот ведь как бывает! Эй, хозяин, налей выпить. Господь покарал причетника за то, что тот стянул церковный колокол, за который дергал десять лет! Ха-ха-ха!

— Полагаю, сэр, вы прибыли по Дардейлской дороге? — спросил доктор; народ в деревне любопытен. — Унылое это место — Дардейлское болото, верно, сэр? Всем ветрам открытое, особенно когда с другой стороны в горы поднимаешься.

— Мне все здесь нравится! И Дардейлское болото, гнилое и черное, как могила, и эта зазубренная стена, что вы называете дорогой, белая под луной, точно мелом вымазанная, и ущелье Даннер-Клюк, темное, как угольная яма, и эта таверна, и пылающий очаг, и вы, добрые люди, и этот славный пунш, и мертвец в каретном сарае. Где труп, там и стервятники. Эй, хозяин, налей-ка нам нектара. Пейте, джентльмены, все пейте. Заварите еще чашу. До чего божественно воняет алкоголь! Надеюсь, джентльмены, вам нравится пунш: весь пропитан специями, точно мумия. Пейте, друзья. Хозяин, наливай! Пейте! Плачу за всех!

Порывшись в кармане, гость достал три гинеи и сунул их в пухлую ладонь Тэрнбелла.

— Пусть пунш льется рекой. Я старый друг этого дома. Частенько сюда заглядывал. Я тебя, Тэрнбелл, хорошо знаю, хоть ты меня и не узнаешь.

— У вас передо мной фора, сэр, — произнес Тэрнбелл, вглядываясь в темное зловещее лицо — он готов был поклясться, что в жизни не встречал никого похожего на странного гостя. Но в кармане приятно позвякивали полновесные гинеи. — Надеюсь, сэр, вам тут понравится.

— Есть для меня комната?

— Да, сэр, кедровая спальня.

— Знаю ее, уютная каморка. Нет, мне больше пунша не надо. Позже, может быть.

Беседа шла своим чередом, но странный гость замолчал. Он уселся на дубовую скамью у камина и с наслаждением протянул к огню ноги и руки. Лицо его, однако, по-прежнему скрывалось под треуголкой.

Постепенно компания начала редеть.

Первым ушел сэр Джеффри Мардайкс, за ним потянулись гости попроще. По кругу шла последняя чаша пунша. Незнакомец вышел в коридор и приказал буфетчику:

— Принеси фонарь. Надо проведать коня. Зажги. Нет, не ходи за мной.

Долговязый путешественник взял у слуги фонарь и вышел на конский двор.

Том Скейлз, стоя посреди мощеного двора, разглядывал лошадей в окно конюшни, как вдруг кто-то потянул его за рукав. Вздвогнув, конюх обнаружил, что находится с глазу на

глаз с тем самым человеком, о котором только что думал.

— Говорят, там есть на что посмотреть. — Незнакомец указал на каретный сарай. — Пойдем-ка взглянем.

В эту минуту Том Скейлз пребывал в таком смятении чувств, что с легкостью готов был покориться любому, кому не лень будет помыкать им. Он послушно поплелся вслед за гостем в каретный сарай.

— Войди и поддержи мне фонарь, — приказал тот. — Заплачу как следует.

Старый конюх отпер висячий замок.

— Чего ты боишься? Войди и посвети ему в лицо, — велел неумолимый гость. — Открой заслонку и встань вон там. Нагнись, он тебя не укусит. Пошевеливайся, не то запру с ним на всю ночь!

Тем временем посетители «Святого Георгия» разошлись по домам.

Вскоре после этого Энтони Тэрнбелл, который, как и подобает хорошему хозяину, последним ложился в постель и первым вставал, окинул прощальным взглядом обеденный зал и хотел заглянуть напоследок в конский двор, как вдруг в кухню, шатаясь, ввалился бледный, как смерть, Том Скейлз. Волосы у него стояли дыбом. Он рухнул на дубовую скамью, дрожащей рукой утер пот со лба и, не в силах заговорить, хватал ртом воздух. Добрый глоток бренди вернул ему дар речи.

— У нас в доме сам дьявол! Ей-богу! Нужно послать за батюшкой. Пусть прочтет ему священное писание, глядишь, и прогонит нечистого. Господи, помилуй нас! Я, мистер Тэрнбелл, человек грешный. Вот те крест, нынче ночью я с ним под одной крышей не останусь.

— Ты о том черномазом с перебитым носом? У него карман набит гинеями, да конь фунтов пятьдесят стоит!

— Конь этот ездуку под стать. Все наши лошадки рядом с ним дрожмя дрожат и потом обливаются. Я их отвел подальше, в конюшню для почтовых, так они мимо него нипочем идти не хотели. Это еще не все. Смотрю я в окно на лошадок, а он подкрался и хват за плечо. Велел мне открыть каретный сарай и держать ему свечу, пока он мертвеца разглядывать будет. Бог свидетель, я сам видел, как покойник глаза раскрыл и рот разинул, словно сказать что хочет. Меня как громом поразило. Волосы дыбом встали. Наконец я очнулся и завопил: «Эй! В чем дело?» А этот гад оглянулся на меня, точно дьявол, захохотал так гнусно и выбил фонарь из рук. Пришел я в себя уже во дворе. Луна светила ярко, и труп лежал на столе, где мы его оставили. Он как пнет дверь ногой! «Запри», — говорит. Я так и сделал. Вот ключ, возьмите, сэр. Он мне деньги предлагал, богачом, говорит, сделаю, если труп мне продашь, да вытащить поможешь.

— Да ну тебя! На что ему труп? Он же не костоправ, чтобы его резать. Дразнил он тебя, вот и все.

— Нет, труп ему нужен. Нам с вами невдомек, что он с ним сделает. Он его добудет, всеми правдами и неправдами, а добудет. Душу из меня вынет. Он из тех, что пугает добрых людей на Дардейлском болоте; там вся нечисть ночами собирается. Если только он не сам дьявол, спаси нас Господь.

— А где сейчас этот бес? — спросил хозяин, не на шутку встревожившись.

— Поднялся по черной лестнице к себе в комнату. Топал, как лошадь, удивляюсь, как вы не слышали. Хлопнул дверью так, что весь дом затрясся. Черт его знает, бес он или кто. Позовем-ка лучше викария, пускай с ним потолкует.

— Ну и ну, парень, вот уж не думал, что тебя так легко напугать, — сказал хозяин, сам побелев, как простыня. — Хорошенькое будет дельце — раззвонить повсюду, что в доме завелась нечисть! Нашему заведению конец настанет. Ты уверен, что запер труп?

— Еще бы, сэр.

— Пошли, Том, оглядим напоследок двор.

Бок о бок, то и дело испуганно озираясь, они молча вышли во двор, большой, четырехугольный, со всех сторон окруженный конюшнями и прочими хозяйственными

службами, стены которых на старинный манер укреплялись скрещенными темными балками.

Остановившись в тени, под скатом крыши, они внимательно оглядели двор и прислушались.

Было тихо.

Возле конюшни горел фонарь. Тони Тэрнбелл снял его с крюка и, придерживая Тома Скейлза за плечо, направился к каретному сараю. Пару шагов он тащил Тома за собой, потом остановился и толкнул его еще на шаг. Так, короткими перебежками, точно пехотинцы под огнем, они добрались до двери каретного сарая.

— Видишь, заперт крепко, — шепнул Том, указывая на замок — тот, хорошо различимый в свете луны, висел на своем месте. — Говорю тебе, пошли лучше обратно.

— А я тебе говорю, пошли туда! — храбро возразил трактирщик. — Чтоб я позволил всяким проходимцам шутки шутить с покойником! — Он указал на дверь сарая. — Утром явится коронер, а у нас никакого трупа — хорошенькое дело! — С этими словами трактирщик передал фонарь Тому и отпер висячий замок. — Зайди-ка, Том, — продолжал он. — Фонарь у тебя, взгляни, все ли так, как было.

— О нет, ради святого Георгия, только не я! — испуганно взмолился Том, отступая на шаг.

— Чего ты боишься? Дай фонарь, все одно я войду.

Трактирщик осторожно приоткрыл дверь и, высоко подняв фонарь, одним глазом заглянул в узкую щель, словно опасался, что в лицо ему вспорхнет неведомая птица. Не произнося ни слова, он опять запер дверь.

— Невредим, как вор на мельнице, — шепнул он товарищу. В тот же миг тишину разорвал грубый хохот, от которого встрепенулись и закудахтали куры на птичьем дворе.

— Вон он! — Том схватил хозяина за руку. — В окне!

Окно кедровой спальни на втором этаже было открыто. В темноте смутно вырисовывался черный силуэт человека, опиравшегося локтями на подоконник. Он смотрел на них сверху вниз.

— А глаза-то, взгляни! Горят, точно угли! — ахнул Том.

Зрение у трактирщика было похуже, чем у Тома, к тому же от страха у него поджилки дрожали.

— Эй, сэр, — окликнул гостя Тони Тэрнбелл, похолодев: он различил в темноте пылающий взгляд кроваво-красных глаз. — Добрым людям давно пора быть в постели и крепко спать!

— Крепко, как ваш причетник! — язвительно ответил постоялец.

— Пошли отсюда! — шепнул трактирщик конюху, дернув его за рукав.

Они вбежали в дом и заперли дверь.

— Надо было его пристрелить. — Трактирщик со стоном привалился к стене. — Не буду я ложиться, Том. Посиди со мной. Пойдем-ка в оружейную. Ни один подонок не утащит труп у меня со двора, пока я в силах нажать на курок.

Оружейной в «Святом Георгии» служила небольшая комнатка футов двенадцати в длину и ширину. Окно ее выходило на конный двор, и из него можно было охватить взглядом весь каретный сарай. Через узкое боковое окно была хорошо видна задняя дверь гостиницы, выходившая во двор.

Тони Тэрнбелл выбрал мушкетон — самое грозное оружие в доме — и зарядил его целой горстью пистолетных пуль.

Он накинул длинное пальто, какое надевал обычно по ночам, когда ходил на озеро пострелять диких уток. Том тоже экипировался как следует. Они сели у раскрытого окна, глядя во двор, залитый ярким светом луны.

Трактирщик положил мушкетон на колени. Оба, не отрываясь, всматривались в самые темные уголки двора. Дверь каретного сарая была заперта, и друзья чувствовали себя более или менее спокойно. Так прошел час, другой.

Часы пробили один раз. Тени немного сместились, однако луна по-прежнему заливала

каретный сарай и конюшню, где стояла лошадь незнакомца.

Тэрнбеллу послышались шаги на черной лестнице. Том выглянул в боковое окно на заднюю дверь; от напряжения у него заслезились глаза. Энтони Тэрнбелл, затаив дыхание, прислушался у двери.

Тревога оказалась ложной.

Тэрнбелл вернулся к окну, выходящему во двор.

— Эй! Гляди-ка!

Из тенистого левого угла двора появилась рослая фигура незваного гостя в коротком плаще и ботфортах. Он распахнул дверь конюшни и вывел могучего черного коня. Провел его через двор к старому каретному сараю и, опустив поводья, оставил стоять у дверей, а сам направился к воротам и распахнул их ударом каблука. Створки задрожали сверху донизу. Незнакомец подошел к коню. При его приближении запертая дверь, за которой лежал мертвый причетник, отворилась сама собой. Он вернулся с трупом в руках, перекинул его через спину лошади и вскочил в седло.

— Огонь! — заорал Том. Раздался ужасающий грохот. В густом плюще вспорхнули тысячи воробьев. Яростно залаял сторожевой пес. В воздухе стоял звон и свист. Мушкетон разорвался на куски до самого приклада. Отдача швырнула трактирщика на пол. Тома Скейлза отбросило к стене оконной ниши, что избавило его от более серьезных повреждений. Всадник с чудовищной ношей выехал изворот, вдалеке угас его злорадный хохот.

Возможно, читатель слышал эту историю из уст Роджера Тэрнбелла, нынешнего хозяина таверны «Святой Георгий и дракон», внука того самого Тони, что заправлял в таверне в день кончины Тоби Крука. Он любит рассказывать ее в уютном обеденном зале, том самом, где черт угощал постояльцев горячим пуншем.

Я так и не узнал, кто из обитателей ада завладел трупом негодяя и что он с ним сделал. Прояснить это может бытующая в тех краях легенда о вампире, как две капли воды похожем на причетника Крука.

Страшный взрыв, раздавшийся после того, как Тэрнбелл выстрелил в убежавшего нехристя, в точности согласуется с мнением Эндрю Мортонa, изложенным в любопытном трактате «История призраков».

Вот что он пишет: «Предостерегаю опрометчивых храбрецов, утверждающих, что они не боятся нечистой силы, против того, чтобы они пытались бороться с ней обычным оружием, какое человек использует против человека. Они могут нанести себе непоправимый вред. Один такой смельчак выстрелил в привидение, и ружье разорвалось у него в руках на сотню обломков. Другой пытался проткнуть призрака шпагой — клинок разлетелся на куски и жестоко ранил хозяина в руку. Безумием было бы сражаться таким образом с любым потусторонним существом, будь то ангел или дьявол».